

Глава 29. Ревность

Глава академии «Цинфэн» Минь Тайкан вернулся в свои покои лишь после того, как закончил со всеми церемониями и светскими обязанностями. Стоило ему переступить порог, как навстречу вышел Юй Минь, явно поджидавший его уже долгое время.

Старый наставник ничуть не удивился. Юноша слыл в академии юным дарованием, и его горячий, порой строптивый нрав был Минь Тайкану хорошо знаком.

— Юй Минь, ты пришёл из-за итогов поэтического состязания?

Ученик почтительно сложил руки в приветствии, но голос его выдавал волнение:

— Учитель, я знаю, что мой поступок может показаться дерзким, но если я не узнаю правды, то не смогу ни спать, ни есть спокойно.

Минь Тайкан с лёгкой улыбкой покачал головой:

— Тебе кажется, что твои стихи ни в чём не уступали труду Ду Юньсэ, а в изяществе слога и вовсе превосходили его. Ты не согласен с тем, что мы нарекли его Шихуэем?

Тот промолчал, но выражение его лица говорило само за себя. Наставник жестом пригласил его присесть и тяжело вздохнул.

— Юй Минь, ответь мне: ради чего ты постигаешь науки?

— Разумеется, чтобы сдать экзамены, поступить на службу и прославить свой род, — ответил он, не задумываясь.

— Вот именно. Вы оба — молодые таланты, которым в будущем суждено стать опорой государства, а не праздными гуляками, что ищут лишь забавы. А потому, оценивая ваши труды, мы в первую очередь смотрели на глубину замысла и широту взора.

Заметив, что собеседник погрузился в раздумья, Минь Тайкан указал на письменный стол:

— Ступай и запиши по памяти ваши стихи. Я разберу их при тебе.

Когда кисть замерла и на бумаге остались две поэмы, старик указал на ещё влажные чернила:

— Если судить лишь по таланту и слогу, то твои строки изысканны и полны красоты, в то время как стихи Ду Юньсэ суровы и полны древней силы. В этом вы равны. Но, — наставник

посерьезнел, — твой взор оказался слишком короток. Господин сюэчжэн задал тему: «Семисложное стихотворение о празднике Дуанью от лица простых людей Сянпина». Юй Минь, понимаешь ли ты, кто такие «простые люди»?

— Разумеется, это горожане и честной люд на улицах, — юноша не видел изъяна в своём понимании.

Минь Тайкан покачал головой:

— Нет. Это все подданные Его Величества, живущие на землях префектуры Сянпин. В твоих стихах — красавицы, что вышли полюбоваться праздником, одарённые мужи на состязании и победители гонок на лодках-драконах. Но в стихах Ду Юньсэ, помимо них, есть пахари, что и в праздник трудятся в полях; есть хозяйка чайных лавок, чьи лица светятся радостью от заработка; есть дети, что с криками бегают друг за другом, обмотав запястья цветными нитями...

— «Седовласый пахарь не знает причин, лишь правит полынью ряды рассады», — с чувством процитировал наставник и продолжил: — В конце поэмы вы оба помянули Цюй Юаня. Но ты лишь сказал, что ныне люди радуются и празднуют, и задался вопросом, что бы почувствовал сам Цюй Юань, глядя на это. Ду Юньсэ же молвил иначе... «Спустя тысячи лет в этот день звучат голоса веселья, и воды реки Чу ласкают слух великой души». Неважно, помнят ли простые люди, в честь кого учреждён этот день. Пока сердца их полны радости, этого довольно, чтобы утешить дух великого мужа в водах реки Чу.

— Этой строкой он выразил свои чаяния через слова древних. Мечта Цюй Юаня — это и его собственная мечта. Одним этим он возвысил свой замысел над твоим. В обычный день твои стихи сочли бы превосходными. Но здесь, в сравнении, твой уровень оказался ниже. Ни я, ни префект, ни сюэчжэн не колебались, когда выбирали Шихуэя. Ибо это не просто забава, устроенная богатыми купцами, а состязание, где судьи ищут в сердцах книжников Сянпина мудрость и понимание того, как устроено государство. Господин сюэчжэн специально упомянул в теме «простой народ», желая проверить ваши помыслы.

Юй Минь долго сидел, опустив голову. Наконец он заговорил — в голосе его слышалось признание правоты, но нежелание сдаваться:

— В этот раз я проиграл в глубине мысли. Но в следующий — не обещаю. Благодарю за наставление, учитель.

— Ступай. Поразмысли над моими словами. До экзамена в префектуре осталось три дня. Если сумеешь осознать это, у тебя будет шанс побороться за звание юаньяншоу.

Тот был горд, но не ослеплён спесью. Услышав разумные доводы, он сумел принять правду. Иначе Минь Тайкан не ценил бы его так высоко. Старик посмотрел вслед уходящему ученику и удовлетворенно кивнул. Он надеялся, что это небольшое поражение заставит сей необработанный нефрит засиять ещё ярче.

«Ду Юньсэ же не по годам степенен. Если удастся позвать его в академию «Цинфэн», он сможет стать хорошим примером для тех учеников, чьи таланты велики, но помыслы суетны»

***

После того как Ду Юньсэ нарекли Героем поэзии, его вскоре разыскал Чжу Цзинчэн, старший внук семьи Чжу. Он желал пригласить их на обед, дабы отпраздновать успех.

Юньсэ вежливо отказался, сославшись на близость экзаменов и желание сосредоточиться на подготовке. Чжу Цзинчэну оставалось лишь спросить их адрес и, выразив сожаление, откланяться.

Гонки на лодках были просмотрены, состязание завершено. Цю Хуанянь потянул Ду Юньсэ к зданию Гунъюаня — ознакомиться с местом предстоящих испытаний. Расспросив прохожих, они наконец добрались до места. За оградой уже виднелись ряды тесных экзаменационных ячеек — хаофанов, подготовленных для кандидатов.

Хуанянь окинул взглядом эти каморки площадью от силы два-три квадратных метра и невольно вздохнул. Нелегко приходилось книжникам в древности. На Юаньши испытание длится всего день — утром вошёл, вечером вышел. Но на провинциальных экзаменах бедолагам придётся провести в такой клетке трое суток, там же есть и спать, и при этом умудриться излить мудрость на бумагу. Просто жуть.

— На экзамен не пускают с вещами, в которых есть подкладка, — рассуждал юноша. — Одежда и подушки запрещены. Но сестра Июань говорила, что многие берут с собой шкуры животных. Нам нужно купить тебе такую же.

Хоть жара уже вступала в свои права, в тесных рядах хаофанов, куда почти не проникал свет и ветер, по утрам и вечерам наверняка было сыро и зябко. Стоило Хуаняню представить, как Ду Юньсэ будет весь день ютиться в этой клетушке, как у него самого заныли ноги. Раз условия в экзаменационном зале изменить нельзя, нужно хотя бы снаряжение подготовить получше!

Юньсэ хотел было возразить, что он вовсе не изнежен и лучше приберечь деньги на какую-нибудь радость для суженого, но, встретившись с его решительным и любящим взглядом, проглотил слова.

Что ж, в их семье Хуа-гээр всегда решал, как тратить деньги. Спорить было бесполезно. Лучше направить все силы на учёбу, чтобы в будущем принести своему любимому ещё больше благ. Ду Юньсэ смотрел на Хуаняня, и в глазах его таилась нежность, подобная снегу на вершинах гор, который вот-вот начнёт таять под первыми лучами солнца. Он хотел пройти с этим человеком долгий путь. Очень долгий.

***

Когда они вернулись в свой дворик, навстречу им из главного дома вышла Тётушка Шу, неся массивный деревянный ларец.

— Давеча приходил очень статный управляющий, принёс вещи для господина Ду, — заговорила она. — Увидев, что вас нет, оставил всё мне и просил передать, что это от вашего друга по фамилии Чжу.

Юньсэ и Хуанянь переглянулись. Юноша принял ларец.

— Видимо, братья Чжу поняли, что лично мы ничего не возьмём, и решили прислать слугу, пока нас нет?

Ду Юньсэ поставил ларец на стол.

— Сперва посмотрим, что внутри.

Вэнь Хойян был величайшим наставником своего времени. Когда Юньсэ странствовал с ним, они не раз встречали богатых купцов и знатных особ, желавших подношениями снискать их расположение. Но Вэнь Хойян предпочитал оставаться бедняком и довольствоваться малым, никогда не принимая даров без веской причины.

«У всего в подлунном мире есть причина и следствие, — говаривал наставник. — Если сегодня они одаряют тебя без повода, значит, в будущем непременно потребуют чего-то взамен. Тот, кто жадно принимает всё подряд, рано или поздно навлечет на себя беду»

Ду Юньсэ свято помнил эти наставления и всегда был настороже с теми, кто искал его дружбы с помощью кошелька. Хуанянь, думая о том же, заглянул в ларец и улыбнулся:

— Должно быть, это подготовил Чжу Цзинчэн. Будь это дело рук Цзинвэя, внутри наверняка лежали бы груды золота и жемчуга.

В чёрном лаковом ящике обнаружилось лишь аккуратно свёрнутое овчинное одеяло, несколько книг, отпечатанных в лучших лавках Сянпина, и письмо. В письме Чжу Цзинчэн пояснял, что не смеет отвлекать господина Ду от подготовки, но, опасаясь, что гостю издалека может быть неуютно в чужом краю, подготовил несколько полезных мелочей в знак гостеприимства и просит непременно их принять.

Цю Хуанянь развернул одеяло. Небольшое, четыре фута в длину и ширину — как раз чтобы укрыть колени. В сложенном виде оно не занимало места и легко помещалось в корзину для экзамена. Овчина стоила куда дешевле меха лисицы или оленя, но эта шкура была мягкой, белоснежной и исключительной выделки.

В этом и заключалась мудрость Чжу Цзинчэна. Поднеси он драгоценные меха, Ду Юньсэ и

Хуанянь тут же вернули бы дар. Но он выбрал вещь полезную и не вызывающе дорогую. Овчинное одеяло было именно тем, что Юньсэ пригодилось бы на экзамене уже через три дня.

— Такая вещица, пожалуй, стоит ляна три.

Обычная овчина стоила ляна два, но за такое качество цену наверняка набавляли. Хуанянь перебросил одеяло через спинку стула и принялся за книги. Помимо двух сборников с заданиями прошлых лет, там нашлось описание странствий и сборник повестей. Книги в те времена стоили дорого, так что вместе с книгами весь дар тянул лянов на четыре. Юноша с интересом поглядывал на повести, но молчал, ожидая решения Ду Юньсэ.

— Оставим, — решил тот. — После экзаменов я лично поблагодарю брата Чжу.

Юньсэ принял это подношение не только из-за его практичности. Ему импонировал сам стиль Чжу Цзинчэна — вдумчивый, основательный и ненавязчивый. В делах, когда богатый купец поддерживает бедного книжника, выбор всегда должен быть взаимным. Иначе одна сторона боится встретить неблагодарность, а другая — оказаться в долгу у алчного дельца.

Убрав книги, Ду Юньсэ подошёл к Хуаняню и достал из-за пазухи ту самую шпильку из теплого нефрита «Феникс, обращённый к солнцу».

— Хуа-гээр, позволь мне украсить твои волосы.

У Хуаняня перехватило дыхание, а щёки обдало жаром. Ещё тогда, у павильона, когда он услышал, что Юньсэ ради него отказался от бесценной книги, сердце его забило как безумное. Окрестные гуляки гадали, кто же тот счастливец, ради которого Герой поэзии совершил такой поступок. И Хуанянь знал — он и впрямь был счастлив.

«Я и впрямь счастлив, — подумал он. — Пусть я попал в этот мир из другого времени, но здесь я обрёл новую жизнь, возможность добиться всего своим трудом и... встретил Ду Юньсэ. Человека, в котором я, как ни старался, не мог найти ни единого изъяна. Человека, с которым я уже начал представлять свою старость»

Хуанянь тихо откликнулся и вытащил из волос простую деревянную шпильку. Чёрные пряди рассыпались по плечам, в воздухе разлился слабый аромат мыльных бобов. Ду Юньсэ бережно собрал волосы, обнажая белую, нежную шею суженого. Он каждый день видел, как Хуанянь закалывает волосы, но сейчас вдруг занервничал. Его пальцы путались в шелковистых прядях, и он никак не мог совладать с ними. Тот хотел было рассмеяться, но в груди разливалось такое тепло, словно там рос огромный ком сладкой ваты.

Он терпеливо ждал, чуть склонив голову, пока Юньсэ наконец не закрепил причёску алой шпилькой. Никаких сложных узлов, всё предельно просто, но сияние драгоценного нефрита в сочетании с улыбкой Хуаняня озарило комнату ярким светом.

— Красиво? — юноша лукаво склонил голову набок.

Ду Юньсэ долго не сводил с него глаз, прежде чем глухо ответить:

— Очень.

В комнате царило негласное сияние, а снаружи весь двор был полон весенних ароматов.

***

Три дня спустя, при первых криках петухов, во флигеле семьи Шу уже затеплилась жизнь.

Цю Хуанянь и Ду Юньсэ, одетые во всё чистое, в последний раз проверяли корзину с вещами. Кисти и тушечница были привычными, проверенными в деле. Повара из «Шуи лоу» специально напекли паровых булочек с тофу и завернули их в промасленную бумагу — даже холодными они оставались мягкими и вкусными. Овчинное одеяло лежало вместе с чистыми полотенцами, обещая хоть какой-то уют в хаофане.

После стольких дней подготовки настал миг сделать первый шаг. Стоило лишь переступить этот порог и выдержать испытание — и можно будет обрести первое учёное звание, стать сюцаем.

Ду Юньсэ взял корзину, Хуанянь запер дверь и, глядя на чистое утреннее небо, улыбнулся:

— Пойдём!

В путь, на Юаньши!

Досмотр перед входом был строгим. Сперва кандидатов из одного уезда собирали вместе, чтобы они подтвердили личности друг друга — так исключали подмену. Затем мелкие чиновники проверяли бумаги и лишь после этого позволяли встать в очередь к главным воротам. В одежде не должно было быть подкладок, при себе — ни единого клочка бумаги с записями. Все принесённые вещи перекладывались в специальные корзины и тщательно осматривались. Кроме того, в отдельной палатке каждого заставляли раздеться, дабы убедиться, что под халатом ничего не спрятано.

Слава Ду Юньсэ, Шихуэя, уже разлетелась по городу. Его стихи всё ещё висели у ворот Гунъюаня, и стражники, не желая ссориться с будущим выдающимся мужем, не слишком досаждали ему проверками. Когда фигура Юньсэ скрылась за воротами, Хуанянь выдохнул. Внезапно его охватила тревога. Пусть он верил в таланты Юньсэ, но в жизни всегда есть место случаю.

«А вдруг каморка окажется слишком сырой? — не унимался он. — Вдруг сосед попадётся буйный? Или пойдёт ливень и намочит свиток?..»

Хуанянь понимал, что вероятность этого мала, но не мог унять мысли. Он вспомнил, как в его прежней жизни, после выпускного экзамена, мать, прижав руку к сердцу, призналась: «Я так боялась, что ты случайно заполнишь не ту строчку и получишь ноль баллов». Тогда ему это казалось смешным, но сейчас он понял — сердца всех, кто провожает близких на экзамен, бьются одинаково, в какие бы времена они ни жили.

Цю Хуанянь постоял у ворот ещё немного. Другие провожающие уже расходились — испытание должно было закончиться лишь к пяти часам вечера, так что стоять здесь не было смысла. Он уже и сам собирался уходить, как вдруг заметил знакомых. У ворот Гунъюаня терлась семья Вдовы Ли и госпожи Чжао. На триста с лишним кандидатов шанс встретить односельчан был велик. Хуанянь отошёл в тень, не желая тратить время на пустые препирательства.

В четвёрке семьи Чжао явно царил разлад. Никто из них не заметил Хуаняня. Госпожа Чжао, крепко держа Фубао за руку, не переставая ругала Ли Гуэр. Ду Баоцюань стоял в стороне, всем видом выказывая недовольство и стыд за шумную жену. Хуанянь со своего места видел лицо Ли Гуэр — она стояла, опустив голову, но во взгляде её читалась неприкрытая злоба.

Вспомнив, как в деревне Гуэр дважды тайком бегала в горы на встречу с кем-то чужим и брала подозрительные свертки, Хуанянь прищурился. Ему стало любопытно, какую ещё пьесу разыграет это семейство.

Вернувшись во флигель, он попытался скоротать время за чтением подаренных книг, но мысли постоянно возвращались к Юньсэ: начал ли он писать набело? Не застрял ли на сложном вопросе? Из главного дома прибежала Жутан, единственная дочь хозяев. Она поставила табуреточку рядом с ним и принялась наблюдать за муравьями.

— Жутан, почему ты сегодня такая тихая? Что-то случилось? — улыбнулся Хуанянь.

Девочка была ровесницей его девятилетней сестры Цзюцзю, и при взгляде на неё он невольно заскучал по своим. Жутан лишь поджала губы. Она не играла в камешки и не просила рассказать сказку. Следом за ней во двор вышла Тётушка Шу. Днём хозяева обычно пропадали в трактире, так что в доме оставались лишь они втроём. Закончив дела, старуха присела отдохнуть.

— Не тревожьтесь, Хуа-гээр. В городе все в один голос твердят, что наш господин Ду — сама Звезда литературы, спустившаяся на землю. Он непременно станет сюцаем!

Тётушка Шу, каждый день ходившая на рынок, уже знала все городские толки. Весть о том, что Ду Юньсэ предпочёл шпильку для своего суженого всем богатствам мира, разнеслась быстрее, чем его стихи. В каком-то смысле состязание, устроенное префектом под началом сюэчжэна и главы академии, стало самым громким событием праздника. А романтическая история про

шпильку добавила ему той самой искры, что заставила весь город обсуждать Ду Юньсэ.

Хуанянь коснулся пальцами алой нефритовой шпильки в своих волосах и перевёл тему:

— Мне кажется, Жутан сегодня не в духе. Её кто-то обидел?

Лицо Тётушки Шу на миг изменилось.

— Да ну, обычные детские капризы. Что там может случиться?

Девочка продолжала молча гонять муравьёв носком туфли. Хуанянь не стал допытываться.

— Первый день экзамена скоро закончится. Когда должна приехать Хуан Данянь?

Испытания шли с перерывом в один день. После второго дня оставалось ещё три до оглашения списка и начала «Испытания ста вкусов».

— Шу У говорил, они уже в пути. И не только Данянь, но и её сестра Эннян едет с ними. Остановиться решили у нас, — пояснила старуха.

Шу У, как и Тётушка Шу, был из того же клана, что и хозяин трактира. Он служил помощником в «Шуи лоу» и приходился ей каким-то дальним племянником.

— Значит, у нас будет шанс первыми отведать новинок от Хуан Данянь, — улыбнулся Хуанянь. Он не забыл, что «Испытание ста вкусов» — лучший момент, чтобы заявить о своём красном тофу.

***

К пяти часам вечера Цю Хуанянь уже стоял у ворот Гунъюаня с флягой тёплого питья. Ворота распахнулись, и кандидаты повалили наружу. Кто-то сиял, явно довольный собой, кто-то выглядел так, словно его только что пытали. По их лицам без труда можно было понять, как прошёл экзамен.

Ду Юньсэ Хуанянь узнал сразу. Почти двадцатилетний юноша, стройный, как сосна после снегопада, с чистым взором и густыми чёрными волосами, выходил из красных ворот с корзиной в руках. Он казался живой картиной, написанной тонкой кистью мастера, и Хуанянь не мог отвести глаз. Стоило Юньсэ увидеть суженого, как его взгляд мгновенно смягчился. Застывшая холодность уступила место нежности, подобно тому как лёд на озере ломается под весенним солнцем.

— Хуа-гээр, — Юньсэ подошёл к нему размеренным шагом.

Тот открыл флягу и протянул ему:

— Это отвар из серебряных древесных грибов, на кухне «Шуи лоу» готовили. Я рассчитал время, он сейчас в самый раз — тёплый. Испей.

Ду Юньсэ сделал несколько глотков. Сладкий отвар согрел его, и усталость от целого дня в тесной клетке начала медленно отступать.

— Пойдём домой.

— Пойдём.

Пока они шли бок о бок, Ду Юньцзин, вышедший из ворот почти одновременно с ними, провожал их тяжёлым, ненавидящим взглядом.

«Как такой дивный гээр достался Ду Юньсэ? — закипел он от злости. — Почему его мать тогда пожалела пару мешков сорго и не купила его первой?!»

— братец Юньцзин, я пришла за тобой, — раздался за его спиной певучий голос Ли Гуэр.

— Почему ты одна? Где родители?

— Тётушка Чжао прихворала, отдыхает. Дядя велел мне одной тебя встретить, — она с улыбкой протянула ему флягу. — Я у хозяев дома напросилась на кухню и сварила тебе сладкий взвар. Отпей, братец.

Ду Юньцзин всегда презирал Гуэр за её глупость и поверхностность, но сейчас молча взял флягу. Однако даже сладкий вкус не принёс ему облегчения. Та же расцвела — её простое лицо в эти минуты казалось почти миловидным. Юньцзин почувствовал странный жар в теле, но списал это на раздражение. Задания сюэчжэна были на редкость каверзными и совсем не походили на те, что они разбирали в школе. Он не был уверен в своём успехе. Оставалось лишь надеяться, что судьи будут снисходительны, а послезавтрашние темы — более знакомы. Он должен быть первым. Должен обойти Юньсэ.

Он всегда считал себя гением. С самого детства, когда он только начал учиться у Сюэя Суня в городке Цинфу, никто не мог сравниться с ним в грамоте. Учитель сулил ему блестящее будущее. Но не прошло и года, как его дядя из клана Ду Баоянь, собрав последние крохи, привёл в школу своего старшего сына Ду Юньсэ. Тот, будучи лишь на пару месяцев старше, за считанные недели догнал Юньцзина, и учитель Сунь перестал хвалить прежнего любимца, целиком переключившись на «вундеркинда».

Юньцзин злился. Портил Юньсэ бумагу, подговаривал других не давать ему книги, распускал слухи. Но тот словно не замечал его, он был занят лишь книгами, и Юньцзин ничего не мог с этим поделать.

Спустя три года Ду Баоянь повёз десятилетнего сына в город на экзамены. Все смеялись над ними, но Ду Юньсэ прошёл путь от первого в уезде до первого в префектуре. А вскоре в их деревню явился сам великий наставник Вэнь Хойян!

Когда Ду Юньсэ забрали в ученики, Сюцай Сунь долго глядел в окно и со вздохом произнёс:

— Этот юноша — не чета обычным людям. Он словно дракон, что уходит в море. Ждите великих бурь.

Слушая это, Ду Юньцзин до крови вонзил ногти в ладони. Почему? Почему Ду Юньсэ? Он должен доказать, что он, Ду Юньцзин, сильнее! Спустя столько лет Ду Юньсэ наверняка растерял свой пыл. На экзамене всё станет ясно.

<http://bllate.org/book/15363/1411249>